

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.138-149

Н. Г. Скачков*

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Арктические измерения юрисдикции и сырьевого суверенитета: проблемы взаимодействия национально-правовых систем

Резюме. Статья посвящена юридическому регулированию хозяйственной деятельности в Арктике. Показано, как нормотворчество призвано закрепить максимум прав на использование природных ресурсов. Неминуемы тогда и дифференциация подходов, и использование совершенно различных методов их измерения. Одним из них становится толкование такой категории, как суверенитет. Рассматривается, насколько он отвечает конститутивным признакам юрисдикции, выбору в пользу той или иной внутригосударственной правовой системы. Отмечается относительность признания коллизионных принципов доступности месторождения. Право на освоение недр связано с юрисдикционной деятельностью согласно актам национального законодательства, а также с полноценностью норм права, очевидной универсализацией юрисдикций. При этом количественные показатели суверенитета если и возможно установить, то лишь применительно к степени влияния межгосударственных организаций. Правовые системы арктических стран минимизируют тогда риски имплементации принятых решений. В этой плоскости они и проводят искомый водораздел. Качественные признаки суверенитета гораздо важнее. Это видимая способность оставаться субъектом международных отношений на фоне текущих кризисов, но и явная делимитация юрисдикций сначала для международных правоприменительных институций. Впоследствии она затрагивает уже национальные системы защиты гражданских прав.

Ключевые слова: освоение Арктики; территориальная юрисдикция; государственный суверенитет; недропользование; правовой режим; защита субъективных прав; сделка с базисным активом; защита позитивного интереса; охранное обязательство; административный договор; юрисдикционное соглашение; долгосрочность финансирования

Для цитирования: Скачков Н. Г. Арктические измерения юрисдикции и сырьевого суверенитета: проблемы взаимодействия национально-правовых систем. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 4. С. 138–149. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.138-149

Arctic Dimensions of Jurisdiction and Raw Material Sovereignty: Problems of National Legal Systems Interaction

Nikita G. Skachkov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the legal regulation of economic activity in the Arctic. It is shown how rulemaking is designed to consolidate the maximum rights to use natural resources. Differentiation of approaches and the use of completely different methods of measuring them are inevitable then. One of them is the interpretation of such a category as sovereignty. It is considered to what extent it meets the constitutive criteria of jurisdiction, the choice in favor of one or another domestic legal system. The relativity of the recognition of conflict-of-laws

© Скачков Н. Г., 2024

principles of field availability is noted. The right to develop mineral resources is associated with jurisdictional activities in accordance with acts of national legislation, as well as with the fullness of legal norms — the obvious universalization of jurisdictions. At the same time, quantitative indicators of sovereignty, if possible, can be established only in relation to the degree of influence of interstate organizations. The legal systems of the Arctic countries then minimize the risks of implementing the decisions taken. In this plane, they draw the desired watershed. Qualitative signs of sovereignty are much more important. This is a visible ability to remain a subject of international relations against the background of current crises, but also an explicit delimitation of jurisdictions first for international law enforcement institutions. Subsequently, it affects national civil rights protection systems.

Keywords: Arctic development; territorial jurisdiction; state sovereignty; subsurface use; legal regime; protection of subjective rights; transaction with the underlying asset; protection of positive interest; security obligation; administrative agreement; jurisdictional agreement; long-term financing

Cite as: Skachkov NG. Arctic Dimensions of Jurisdiction and Raw Material Sovereignty: Problems of National Legal Systems Interaction. *Lex russica*. 2024;77(4):138-149. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.209.4.138-149

Введение

Арктическое пространство сегодня приобретает метафизическую, в какой-то мере даже сакральную ценность. Это и экологически чистая территория для всего человечества, и глобальный резервуар пресной воды (не менее трети мировых запасов), но одновременно и кладезь полезных ископаемых.

Освоение богатейших ресурсов Арктического региона рассматривается безотносительно, как социальная необходимость. Оно же лежит в основе генезиса подходов непосредственно к понятию арктической территории как объекта коммерческих отношений. Не менее прочно увязаны с ним и особенности правового режима. Последнее обстоятельство воспринимается особенно остро. Тем более, что в пределах Арктики обращение к «компетентному правопорядку», близкому цивилистике, редко согласуется с обеспечением порядка общественного, какое бы его правовое толкование ни предлагалось.

Основная часть

В этой связи сохраняют научный и практический интерес заключения исследователя Ю. Ф. Лукина, который рассматривал Арктику не иначе как взаимопроникающий объект исследования. Его осмысление требует интеграции всех без исключения отраслевых научных знаний¹.

Отсюда, разъясняет В. П. Журавель, вектор междисциплинарных исследований, обосновывающих доктрину, корреспондирует с принципами построения прикладной, практической деятельности, кооперации социумов: государств и бизнеса².

Можно допустить, что в единстве арктических прерогатив выделены контуры межотраслевого института права, такие его критерии, как цельность процессов, однородность содержания, общность правовых норм, возможность всесторонне оценить социальные, а также экономические последствия правоприменения. Логика соотношения субъективного и объективного при этом сугубо формальна. Она рекомендует выступить незамедлительно с ответным словом, реакцией, если правоприменительная деятельность изобилует пробелами. Однако изъяны трактуются чаще всего как приглашение к нормотворчеству, обусловленное высокой затратностью процесса добычи полезных ископаемых. Едва ли стоит сбрасывать со счетов и декларативный характер нормативных правовых актов. Тем самым лишь упрочняются фрагментарность, несбалансированность юрисдикционных процедур в рамках отдельных арктических территорий.

Правовому режиму недропользования трудно тогда оставаться нейтральным, в первую очередь экологически. Потенциал того или иного месторождения может оказаться весьма велик, однако освоение проблематично. Непросто со-

¹ Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск : САФУ имени М.В.Ломоносова, 2010. 400 с. См. также: Он же. Многомерность пространства Арктики. Архангельск : САФУ имени М.В.Ломоносова, 2017. 250 с.

² Журавель В. П. Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 62–79.

отнести риски споров, неизбежно возникающих в суде общей юрисдикции, и сервисные риски. Их вредоносные эффекты усиливаются тем обстоятельством, что досрочное прекращение права пользования участком недр *de lege lata* вроде как произошло.

Между тем *de lege ferenda* оно даже не начиналось. Стоит сначала воспользоваться той юрисдикцией, которая позволила бы беспрепятственно погасить разницу между общей, а также компенсационной стоимостью. Подобным образом нейтрализуются риски наступления убытков оператора участка недр. Право пользования он фактически утратил, в то же время от обязанности урегулировать взаимные расчеты, включая оплату задолженностей контрагентами, освобожден едва ли.

По мнению исследователя А. А. Кирилловых, минусы экологической стратегии здесь слишком заметны. Казалось бы, экосистемный подход обязателен, а использование природного ресурса — такое же важное звено в механизме публичных отношений, как неприкосновенность экологических интересов в целом. Но реализацией защитных и охранительных механизмов коммерсанты вынуждены заниматься по большей части самостоятельно, даже при высокой степени риска нарушения интересов частных лиц³.

Юрисдикция, приходим мы к выводу, включает в себя общеправовой инструментарий обеспечения деятельности субъектов хозяйствования. В то же время доступность арктических ресурсов, получается, относительна. Данный вопрос, можно предположить, выходит далеко за логические пределы дискуссии о преимуществах обязательной сертификации перед той же, например, уведомительной лицензией.

Как следует из Указа Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (последние изменения датированы 27 февраля 2023 г.) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»⁴, открытость недропользования определяется двумя факторами. Во-первых, укажем на востребованность новых каналов сбыта, внедрение новаторских технологий в указанной сфере. Вторым критерием обозначим тогда непосредственно само упрочнение российского присутствия в Арктике.

Именно он и заставляет задуматься. Субъекты общественных отношений, как представляется, максимально обезличены, публично-властные аспекты, напротив, становятся более выпуклыми. Налицо абсолютизация понятий для целей применения разных отраслей законодательства. В силу этого национальные правовые системы неизбежно интернационализируются, правильнее сказать, унифицируются в институциональном и юридико-техническом аспектах. Внутригосударственное право по-прежнему раскрывает сущность суверенитета, оно решающее и в установлении правил для субъектов, что попали под его юрисдикцию.

Самое время здесь высказаться о кризисе глобализации. Слияние рынков, которое мы наблюдали на протяжении последних 30 лет и куда государства охотно вкладывали свой публичный капитал, вполне естественно, затрагивало также Арктику. Но и те цивилистические процессы, что развиваются в масштабе той или иной арктической территории, выходят за любые из установленных там лимитов, тем самым способствуя функциональному многообразию трансграничных коммерческих контрактов. Казалось бы, вот они — новые перспективные возможности для взаимодействия национально-правовых систем, залегающих в территориальной юрисдикции и лишь адаптирующихся к ней, соответственно, в контексте экстерриториальности.

Вместе с тем правовые концепции глобализма, включая неокейнсианскую убежденность в заведомой подлинности освоенных той или иной компанией бизнес-циклов, сегодня переживают закат. Противоречия в сфере сближения правовых систем, надо ли говорить, накапливались слишком давно. Столь же явными становились и риски размывания правовых пространств.

Отсюда уже следует тезис об уязвимости суверенитета, небезупречности рекреационного развития какого-либо из полярных секторов в условиях, когда при делимитации юрисдикции для международных правоприменительных институций, впоследствии национальных судов, принято довериться их компетентности. Различные нюансы и компромиссы, напротив, вложены в понятие доступности, а поэтому воспринимаются как нечто поверхностное, малоубедительное.

³ Кирилловых А. А. Соглашение о сервисных рисках как инструмент обеспечения экономической деятельности в сфере недропользования // Право и экономика. 2023. № 1 (419). С. 54–61.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

Неслучайно еще четыре года назад исследователь К. Р. Таюпова емко заметила, что процессы интернационализации напоминают ей двуликого Януса: с одной стороны — вполне справедливые притязания на формирование единой экономической системы, а с другой — турбулентность развития, утверждаемая как итог неопределенности⁵.

Иные ученые высказываются не менее остро. Отметим в этой связи точку зрения А. В. Корнева о политизации глобализма, превращении его фактически в идеологию господства изготовленной вещи над человеком⁶.

По мнению В. В. Лазарева, глобализация вовсе влечет за собой забвение классических научных истин⁷.

Думается, что данные хлесткие весьма оценки справедливы, хотя и обдуманый, взвешенный к ним подход тоже едва ли излишен. В этой связи сто́ит сразу отдать себе отчет, сколь многообразен инвестиционный климат в Арктическом регионе, неважно — государственные или частные капиталовложения расходятся на развитие новых производственных технологий. Такие понятия, как экосистема, инновационное финансирование, будучи разноотраслевыми, тем не менее соотносятся между собой.

Подразумеваются последовательность привлечения активов, а также гарантированность защиты субъективных прав (собственности, оперативного управления ею) публичных компаний — драйверов роста арктического сектора, достаточно им заключить инвестиционный контракт с операторами какой-либо из финансовых платформ. Однако отношения между участниками такой сделки трудно назвать устойчивыми. Дело вовсе не в конкурирующих притязаниях на осуществление суверенитета над участком природных ресурсов как институциональной, пространственной структуры. Освоение, предположим, шельфовых проектов едва ли обойдется без денежных обязательств, отложенных налоговых активов, словом, инструментария дополнительного долгосрочного финансирования.

Отнюдь даже, представим себе, что статус социально значимого такой объект дейст-

вительно получил. Рейтинг ESG вместе с тем остается сравнительно низким. Переформатирование владельческой структуры до уровня высокоэкологичного производства — процедура крайне затратная. Привлекательность финансовых инструментов, внешних источников инвестирования между тем величина непостоянная. Управление стоимостью, когда общая величина привлеченных пассивов сразу начисляется с показателей безубыточности, а коэффициенты задолженности держатся на приемлемом уровне, не свободно от изъянов. Например, процедура соотнесения рисков и сумм заимствований сопровождается осознанным умением обходиться выплатами в размере собственных средств.

Правоотношение здесь конструируется исходя из триединства следующих факторов: дискуссионности маркетинговой стратегии ESG, особенностей правового положения государства, когда оно выступает в роли регулятора, а также констатирующей добросовестности отношений.

Последний критерий сопровождается принятием наиболее сложных решений в сфере обретения стабильности юридического статуса хозяйствующего субъекта, выстраиваемой им правовой реальности. Компетенционные нормы действующего законодательства той или иной страны должны тогда показать, сколь прочно они сформулированы — помогают основным нормам противостоять вызовам и рискам. В то же время им не чужда способность подстраиваться под структурные изменения поведения игроков рынка.

На сегодняшний день статус независимых коммерческих организаций, которые своей повседневной деятельностью данную трансформацию приближают, сохраняется у 22 компаний. Естественно, мы говорим о работающих в Арктическом регионе. Их состав разнороден. Так, 12 относятся к нефтегазовым фирмам, не менее трех заняты в сфере черной и цветной металлургии, обогащения горной руды, еще семь — нефтехимические.

Как представляется, с консолидированным бюджетом такому резиденту Арктической зоны

⁵ Таюпова К. Р. Экономическая безопасность России в условиях глобализации: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 34–39.

⁶ Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11–22.

⁷ Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 39–54.

можно остерегаться в крайнем случае прямых расходов. Да и то если выяснится, что отгруженную готовую продукцию оценят невысоко — по стоимости незавершенного производства (согласно ст. 319 Налогового кодекса Российской Федерации). К тому же в соответствии с Федеральным законом № 473-ФЗ (последняя редакция датирована 10 июля 2023 г.) «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»⁸ лицо, распоряжающееся имуществом, всегда вправе рассчитывать на многообразии источников внебюджетного финансирования.

В то же время, находит Н. В. Цехомский, уплата процентов за право пользования теми же заемными средствами — далеко не лучший вариант. Она слишком истощает собственный капитал. Нельзя не упомянуть и о таком свойстве сделки с базисным активом, как вытекающая из нее потребность возврата денег, независимо от успешности сделанных инвестиционных вложений. Обеспечение долга также сопровождается затратами, куда опять-таки вкладываются накопления, начисленные по обоснованной рыночной стоимости⁹.

Действительно, достижение стабильности ценовых показателей, особенно на продукты переработки нефти, тщетно. Волатильность может оказаться много ниже, чем предусмотрено в контракте. В этом ключе не думается, что кредитор вот так просто возьмет да откажется от права требования защиты позитивного интереса. Выбор применимого материального права призван ему помочь, для чего акценты смещаются в пользу более нейтральной юрисдикции. Она, надо признать, разрешает непростую весьма дилемму: вступить ли контрагенту в правоотношения либо полностью ими пренебречь, если встречные (по ним) предоставления не лишены риска подорвать доверие к основному обязательству. Суверенитет, в свою очередь, указывает на правовую ценность заключаемых по этому поводу контрактов, при их составле-

нии, когда принято апеллировать к регулятивно-охранительным нормам, действующим в отношении неопределенного круга лиц.

Отсюда следует нормативная обоснованность Соглашения о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (заключено в г. Кируне 15 мая 2013 г.)¹⁰. Где бы ни стало возможным загрязнение акватории нефтью, продуктами ее переработки, для наступления гражданско-правовой ответственности малоценно, у границ ли прибрежного государства оно произошло или затронуло более отдаленные районы. Обеспечение суверенитета направлено прежде всего в точку сосредоточения внешних и внутренних угроз.

Для экономики природопользования основополагающие нормы-принципы, нормы-цели закладывают тогда правореализующий механизм согласования собственно экономических, а также экологических интересов. Конечно, такое юридическое начало, как «загрязнитель платит», здесь фундаментально функционально. Оно может реализовываться и за пределами сколь-либо обусловленной юрисдикции. Наступление ответственности за ущерб, причиненный трансграничным загрязнением, всё равно считается неотвратимым.

Правовед В. А. Виноградов с соавтором полагают, что данному принципу не присуще подвергать сомнению ту исключительность, которая и вкладывает в него руководящий вектор развития той или иной отрасли права. Она же заставляет задуматься о правильности построения нормативной базы, результативности законотворческой деятельности¹¹.

Вместе с тем, приходит к выводу А. Н. Лужина в рецензии на монографию Д. С. Боклан «Международное экологическое право и международные экономические отношения», категория «загрязнитель» изобилует недостатками. Автор указывает на издержки толкования, которые заключаются в фактической замене права

⁸ СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.

⁹ Цехомский Н. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1 (51). С. 5–9.

¹⁰ Бюллетень международных договоров. 2016. № 7.

¹¹ Виноградов В. А., Солдатова Л. В. О значении принципов в экологическом праве и их применении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 99–121.

¹² Лужина А. Н. Рецензия на книгу: Боклан Д. С. Международное экологическое право и международные экономические отношения : монография. М. : Магистр : Инфра-М, 2020. 272 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право : Реферативный журнал. 2021. № 3. С. 150–156.

собственности правомочиями пользования. Деликтом признается и владелец соответствующего имущественного комплекса, и государство, в территориальной юрисдикции которого неблагоприятные экологические трансграничные последствия наступили¹².

Сложные деликты с проявлениями суверенитета в Арктике, действительно, посчитаются едва ли. Хотя в той же Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года приведены на этот счет весьма внушительные цифры. Так, доля нефти, извлекаемой в Арктике, к 2030 г. должна составить 22 % от общего уровня ее добычи в России, а спустя пять лет преодолеть уже отметку в 25 %.

Тем не менее случись утечка нефтепродуктов, она, скорее, напомнит о классификации актов вредоносного поведения, порождаемых им результатов. В своем классическом исследовании В. П. Звеков, очевидно, допускает, сколь трудно воздержаться от сопоставления видов внедоговорных обязательств, собственно, простых и многосоставных. Именно вторая группа, считает мэтр юриспруденции, и включает в себя так называемые деликты на расстоянии, когда некие действия, возможно, были совершены на территории юрисдикции, однако ущерб возник далеко за ее пределами, сразу в нескольких правовых сферах. Такие события, как утрата контроля за опасным производственным объектом, непосредственно причинение ущерба, следуют по времени друг за другом и в ряде стран¹³.

В этой связи подчеркнем, что в ходе верификации сделки, если основанием ее опровержения послужил деликт, видимо, принято придерживаться практики наделения охранного обязательства свойствами гражданско-правового договора. Согласование воле хозяйствующих субъектов осуществляется добровольно.

Вместе с тем правоустанавливающие факты сформулированы преимущественно в публичных интересах. Оттого неизвестно, как сложится юридическая судьба неустойки. Кроме того, сожалеет В. А. Алексеев, в принцип недопусти-

мости двойной ответственности за нарушение контрактных условий закладывается трудноразрешимое противоречие¹⁴.

Административный договор здесь, можно предположить, имеет куда большее правовое значение. Диспозитивные нормы для него неотчуждаемы. Поэтому им опосредуется возможность продвижения договорных форм в самых разных сферах общественных отношений, включая и заключение государственных контрактов по предоставлению сведений (информации) о состоянии нефтяных котировок. Юрисдикция определена как своего рода инструмент противостояния практике открытия длинных фьючерсных позиций, которые повышают расходы независимо от инфляционных ожиданий.

Основной международной площадкой, которая позволяла увязать все обязательства в единое отношение, одно время оставался Арктический совет. В соответствии с Оттавской декларацией об учреждении данного универсального форума арктических государств (совершена 19 сентября 1996 г.) их территориальный суверенитет следовало бы поставить во главу угла. Применение иностранных нормативных актов тогда означает, что долей его всё же поступились, но с вполне понятными для всего арктического пространства целями упрочнения сотрудничества, координации, а также взаимодействия по вопросам устойчивого развития.

По мнению И. Ю. Жилиной, решения Арктического совета практически не содержат управомочивающих норм. Социально-экономические аспекты буквально растворяются в содержании субъективного права, предназначение которого состоит в обосновании выгод экологического разнообразия¹⁵.

Следует тогда обобщающее суждение о фактическом наполнении субъективного права, в том числе и в юрисдикционной системе иной страны, волевым решением заинтересованного субъекта. Стимулом движения такой воли неизменно выделяется интерес. Норма права устанавливается в публичном его сегменте. Всё остальное, соответственно, частное пользуется поддержкой конкретной юрисдикции, лишь

¹³ Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М. : Волтерс Клувер, 2007. 272 с. См. также: Внедоговорные обязательства в международном частном праве : монография / отв. ред. И. О. Хлестова. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 160 с.

¹⁴ Алексеев В. А. Охранное обязательство: правовая сущность и вопросы судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 134–141.

¹⁵ Жилина И. Ю. Международное сотрудничество в Арктике: история и современность // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3. С. 53–77.

если готово предоставить резидентам Арктической зоны целый букет из льгот и преференций. Например, летом 2022 г. в России наконец отказались от минимального порога инвестирования, что сделало Арктику по-настоящему открытой для хозяйствующих субъектов, а не одних только крупных игроков, ранжируемых по объемам накоплений.

Реализация права, юрисдикционная ее форма здесь интересна особо. Происходит, убежден С. И. Носов, «некоторым образом, обратная трансформация всеобщего в “обособленное”»¹⁶.

На первый план с подачи Арктического совета, тех юрисдикционных привязок, которые он мог бы предложить, выносятся характер интeресов строго обусловленных субъектов права в процессе применения правовых норм. Приоритет, очевидно, отдается таким их сферам, как промышленность, транспорт и энергетика.

Заметим, что в соответствии с Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года (закреплена в распоряжении Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р, а также постановлении Правительства РФ от 04.05.2023 № 693)¹⁷ резиденты Арктической зоны должны уметь адаптироваться к любым диапазонам долгового инвестирования, какой бы «зеленый» финансовый инструмент ни был тогда привлечен. Главное — определить справедливость в распределении доходов, пусть и на неизбежно установленной границе территориальных юрисдикций.

Понятно, что в Арктике вести бизнес под силу далеко не каждому. Природоохранное законодательство соблюдается безотносительно, но едва ли к этому сведена вся трудоемкость презюмируемых процессов. Корни проблемы заключены в дефиците финансирования, низкой исполнительской дисциплине, слабости публичного контроля. Привлечение дополнительных средств становится похожим на некую игру, где главное — не столько минимизировать затраты привлеченного капитала, сколько сохранить на будущее его заемную силу.

Взаимодействие со стейкхолдерами позволяет региональному предпринимателю сначала обзавестись нужными лоббистскими связями, а впоследствии повысить капитализацию своей

компании. Подобным образом выстраивается, например, договорная работа с триадой «Норникель», «Роснефть» и АЕОН. Данные холдинговые структуры очень тонко чувствуют все обременения рисков стратегии ESG, куда, как утверждает В. В. Каргинова-Губинова, помимо целесообразности социально ответственного инвестирования, также включается и изменение стоимости компании¹⁸.

Юрисдикция здесь открыта по большей части для административного воздействия. Подобным образом можно оценить влияние действующих норм на состояние компетентного правопорядка, насколько он самодостаточен, чтобы обеспечить должную управляемость общественных отношений. Арктика — настолько уникальный регион, что из 200 с лишним целей устойчивого развития собственно в арктических пределах востребованы не более 17. В Арктическом совете изначально предлагалось оставить их за рамками обсуждения, следуя объектной парадигме группы, более известной как SDWG. Усилия иных пяти рабочих групп призваны были устранить проблему загрязнения Арктики (ACAP), помочь арктическому мониторингу (AMAP), обеспечить сохранность арктических флоры и фауны (CAFF), предупредить всевозможные чрезвычайные ситуации (EPPR), в том числе и в морской среде (PAME).

Деятельность Арктического совета, где, стоит подчеркнуть, Россия должна была председательствовать, преподнесла нам весьма горький урок. Полтора года назад возник вопрос о самом существовании данного форума — после случившегося в его рядах раскола. Сегодня Арктический совет — снова действующая институция, хотя и в очень ограниченном составе. Осталось всего семь стран: Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, а также Швеция. Решение о роспуске, очевидно, было принято в угоду концепции «мягкой безопасности», широко востребованной так называемым коллективным Западом, которому, с целью ослабить чей-нибудь суверенитет, удобно взять да воспользоваться априори слабой юрисдикцией.

Своеобразной альтернативой Арктическому совету может считаться технологическая платформа принятия решений Arctic Portal¹⁹.

¹⁶ Носов С. И. Субъективные публичные права и интерес // Юрист. 2021. № 1. С. 65–73.

¹⁷ СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3847 ; 2023. № 19. Ст. 3464.

¹⁸ Каргинова-Губинова В. В. Влияние стейкхолдеров на экологическое инвестирование компаний Арктической зоны Российской Федерации // Регионология. 2022. Т. 30. № 3. С. 533–554.

Классификация субъектов правоотношений производится на основе равноправного участия членов мирового сообщества в управлении глобальной информационной сетью. Юрисдикцию здесь нельзя уже именовать территориальной, что открывает окно возможностей для российских партнеров: в сотрудничестве с иностранными контрагентами они реально помогают региональному развитию арктических территорий.

Среди реализуемых проектов, по мнению многочисленных экспертов, стоит выделить прежде всего Edu-Arctic, Polarpedia. Он позволил привлечь не менее 17 государств, их арктическим инстанциям отныне предстоит прибегнуть к инструментарию «цифрового присутствия». Отправной тому точкой становится элементарное наличие доступа на территории соответствующей юрисдикции интернет-страницы, высокоактивного канала связи, даже социальной сети.

Содействие обмену информацией является лейтмотивом существования и другого проекта — INTERACT, запущенного в г. Акюрейри, северной столице «страны льда и огня», под эгидой китайско-исландской арктической обсерватории. В то же время вопросы стабильности той или иной правовой системы разрешаются едва ли, превалирует сугубо техническая методология интернет-масштабирования по усмотрению широкой клиентуры²⁰.

На фоне непрекращающегося, а оттого трудного поиска компромиссных решений вполне уместно вернуться к проблеме состоявшегося распада Арктического совета, попытаться назвать и другие тому причины. Так, еще три года назад Д. Верманн выражала обеспокоенность, насколько внутренняя структура Арктического совета перегружена различными новациями, вносимыми, стоит только задуматься над каким-либо из тематических приоритетов. Дан-

ные обновления, пишет ученый, «каждый раз настолько масштабны, что институциональная форма непосредственно самого форума приполярных государств как будто уже не видна»²¹.

Тогда как исследователь Л. С. Воронков с коллегой вовсе усомнились в возможности признать Арктический совет институцией: ему не присущи сложности правонаделения, установления права, где как исполнение, так и возложение ответственности в равной мере указывают на ядро — существование исполнительного органа²².

Выходит, что надежды на взаимовыгодное сотрудничество заранее были обречены увязнуть в деталях. Будет много проще, если мы, не прибегая к международно-правовым нормативным принципам, сразу воспользуемся Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в измененной редакции от 10.07.2023)²³. Контуры суверенитета там очерчены сугубо в интересах недропользования, когда обращение к обусловленной национально-правовой системе юридически обязательно.

Для институционализации правового режима с учетом суверенитета данная норма имеет решающее значение. Конвенциональная теория едва ли будет здесь поколеблена. Всё же она слагается благодаря межгосударственному соглашению — Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., легендарной UNCLOS, вполне заслуженно имеющей репутацию «конституции морей и океанов»²⁴.

Провозглашаются гарантированные объемы двух групп юридических правомочий: либо вовлечения субъекта в использование акваторий, либо признания исключительности объекта такого участия. Юрисдикционное измерение

¹⁹ The Arctic cooperation // URL: <https://arcticportal.org> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁰ The Arctic Portal. China-Iceland Arctic Science Observatory inaugurated in northern Iceland // URL: www.karholl.is (дата обращения: 20.12.2023).

²¹ Wehrmann D. Transnational cooperation in times of rapid global changes. The Arctic Council as a success case? // Discussion Paper / German Development Institute. Bonn, 2020. P. 12.

²² Воронков Л. С., Смирнова А. А. Арктический совет как международная организация нового типа // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 7–16.

²³ Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4350.

²⁴ Мордвинова Т. Б., Скариндов А. С. Конвенция ООН по морскому праву — 28 лет в обеспечении безопасного морепользования // Океанский менеджмент. 2022. № 3 (17). С. 2–6.

суверенитета в Арктике предполагает обращение к так называемому полярному сектору, а точнее треугольнику, основанием которого является граница арктических владений той или иной страны. Боковыми его сторонами служат меридианы, идущие от крайних точек побережья государства, вершиной, в свою очередь, Северный полюс.

Участники обязательств вместе с тем надеются, что конвенционный акт окажется столь же исчерпывающе точным и при определении границ арктического шельфа. Это то место, где тесно переплетены частные интересы предпринимателей и публичные, соответственно, государства. Коммерсанты хотели бы получить для себя такой правовой режим, который упрощает заемщику возврат операционных расходов. Юрисдикция между тем определяется исходя из рисков конкретной платежной системы. Сюда, видимо, включаются две их группы: обусловленная договорным характером недропользования, а также институтом принудительного лицензирования.

Вносит свою лепту, усложняет и без того трудный сегодня процесс приобретения основных активов падение коэффициента интенсивной нефтеотдачи. Особо это заметно на фоне санкционного потолка цен на нефтепродукты. Проблема выбора юрисдикции, можно предположить, фокусируется на конкурентном соперничестве должника и кредитора: кто перехватит инициативу в иностранном суде, добьется запрета подачи иска по сделке, коль скоро она совершается под рестрикциями.

Правовой режим титульного обеспечения здесь непостоянен. Сначала он уступает место режиму удовлетворения стоимости, а впоследствии и административно-правовому режиму перенесения рисков дебитора на инвестора, малочувствительного к назревающему дефолту должника. Но юрисдикционные акты одной страны, согласно которым текущая просрочка договора перевозки суть субъективная сторона его нарушения, могут не применяться в том из государств, где кредитору законом предоставлено право на взыскание компенсаторных санкций (по смыслу той же ст. 396 Гражданского кодекса Российской Федерации²⁵).

Правовой режим торгового мореплавания, напротив, стоит несколько особняком. Он, очевидно, испытывает влияние многоаспектных модификаций института исключительной

экономической зоны. Близкая ей юридическая среда отвечает за взаимодействие субъектов права на фоне эксклюзивности оказываемых услуг, постулируемой институтом правовой определенности, исключительностью судебного форума в юрисдикционных соглашениях.

Усмотрение правоприменительного органа служит проводником и правотворческой функции. Жесткие коллизионные привязки применяются для того, чтобы судья беспрепятственно мог сформулировать перечень юридических фактов, имеющих значение для спорного правоотношения. Гибкие формулы прикрепления используются, если коллизионный вопрос залегает в плоскости договорных обязательств. Например, та территориальная юрисдикция, которую кредитор избрал для легализации активов, может быть применена лишь после того, как в правоприменительном органе прибрежного государства завершатся слушания о разобщении понятий «неисполнение» контракта и «ненадлежащее» его исполнение.

Заключение

Структурность норм обеспечивает внутреннюю их согласованность. Она олицетворяет собой методологию правотворчества. При этом субординация принципов права в Арктике затруднена. Вести диалог между различными правовыми системами сегодня и так непросто. Взаимодействие правопорядков к тому же осложняется отсутствием актов единого институционального контроля. Та же приводимая сравнительно часто как пример обратного подхода Илулиссатская декларация, во-первых, датирована 2008 г. — 15 лет назад. Во-вторых, к вероятностному изменению правовых режимов ее составители отнеслись, похоже, скептически. Между тем даже проверенный в разных ракурсах договорно-правовой режим, где унификация правоприменительной практики полностью завершена, а гармонизация межотраслевых институтов, считается, окончательно состоялась, и то не свободен от конкуренции юрисдикций правоприменительных органов.

В то же время суверенитет давно уже перестал быть сугубо философской категорией безусловного превосходства, гегелевского еще абсолютного духа. По сути, он дополняет любую из правовых моделей общерегулятив-

²⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ными отношениями, возникающими непосредственно на основе закона. Правоприменительная процедура устанавливает тогда наличие субъективного права. Правоприменение глубоко позитивно, поскольку воспринимается как средство осуществления юрисдикции. Соответствующие управленческие решения тогда могут приниматься даже в отсутствие надлежащего отраслевого закона.

Отсюда стремление сформировать новую регуляторную среду, обеспечить заведомо благоприятный правовой режим. Его нормативные установления в равной мере пользуются приемами как частноправового, так и сугубо публичного регулирования, где административным правоотношениям отводится некое место. Им был бы весьма полезен правовой акт, выходящий за пределы официального документа, легализованного в основном юрисдикционным органом.

Подобным образом можно еще определить перспективы сближения законодательных систем, насколько их нормы тогда считаются однородными в той, а также иной юрисдикции. Либо мы высказываемся о рисках конкретной юрисдикции, которые минимизированы едва ли. Отчего коллизии национального права ося-

заемы. Допустим, полярный класс судну присваивается лишь после того, как законодателем одного приполярного государства устанавливается система актов индивидуального правового регулирования. В ней выделяются две подсистемы: управляющая и, соответственно, управляемая, одна из них выступает как объект правового регулирования. Тогда как другой досталась роль субъекта властного, суверенного воздействия (влияние извне, получается, исключено).

Однако столь нужные здесь распорядительные сделки, насколько они обеспечивают свободное волеизъявление контрагентов, зачастую заключаются в совершенно иной юрисдикции. Закономерным шагом тогда становится обращение к методологии специальных норм. Они, сто́ит подчеркнуть, не содержат требований совершать презюмируемые контракты в точном соответствии с позитивным правом. Наоборот, реализуют по большей части секундарное право, когда оценивают порядок оказания определенных услуг. По сути, законодателю предложено найти баланс между стойкой неопределенностью, явным прагматизмом и крайне выгодным здесь рациональным подходом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. А. Охранное обязательство: правовая сущность и вопросы судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 134–141.
- Виноградов В. А., Солдатова Л. В. О значении принципов в экологическом праве и их применении // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14. № 5. С. 99–121.
- Внедоговорные обязательства в международном частном праве : монография / отв. ред. И. О. Хлестова. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 162 с.
- Воронков Л. С., Смирнова А. А. Арктический совет как международная организация нового типа // Международная аналитика. 2017. № 3 (21). С. 7–16.
- Жилина И. Ю. Международное сотрудничество в Арктике: история и современность // Социальные инновации и социальные науки. 2023. № 3. С. 53–77.
- Журавель В. П. Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 62–79.
- Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М. : Волтерс Клувер, 2007. 272 с.
- Каргинова-Губинова В. В. Влияние стейкхолдеров на экологическое инвестирование компаний Арктической зоны Российской Федерации // Регионоведение. 2022. Т. 30. № 3. С. 533–554.
- Кирилловых А. А. Соглашение о сервисных рисках как инструмент обеспечения экономической деятельности в сфере недропользования // Право и экономика. 2023. № 1 (419). С. 54–61.
- Корнев А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 11–22.
- Лазарев В. В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 39–54.
- Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск : САФУ имени М. В. Ломоносова, 2010. 400 с.

Лукин Ю. Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск : САФУ имени М. В. Ломоносова, 2017. 250 с.

Лужина А. Н. Рецензия на книгу: Боклан Д. С. Международное экологическое право и международные экономические отношения : монография. М. : Магистр : Инфра-М, 2020. 272 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право : Реферативный журнал. 2021. № 3. С. 150–156.

Мордвинова Т. Б., Скаридов А. С. Конвенция ООН по морскому праву — 28 лет в обеспечении безопасного морепользования // Океанский менеджмент. 2022. № 3 (17). С. 2–6.

Носов С. И. Субъективные публичные права и интерес // Юрист. 2021. № 1. С. 65–73.

Тайупова К. Р. Экономическая безопасность России в условиях глобализации: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 34–39.

Цехомский Н. В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1 (51). С. 5–9.

Wehrmann D. Transnational cooperation in times of rapid global changes. The Arctic Council as a success case? // Discussion Paper / German Development Institute. Bonn, 2020.

REFERENCES

Alekseev VA. Security obligation: Legal essence and issues of judicial practice. *Zakon*. 2022;12:134-141. (In Russ.).

Karginova-Gubinova VV. The influence of stakeholders on the environmental investment of companies in the Arctic zone of the Russian Federation. *Regionologiya*. 2022;3(30):533-554. (In Russ.).

Khlestov IO, editor. Non-contractual obligations in private international law: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).

Kirillovykh AA. The Agreement on service risks as a tool for ensuring economic activity in the field of subsurface use. *Pravo i ekonomika*. 2023;1(419):54-61. (In Russ.).

Kornev AV. On some trends in the development of the Russian legislative system in the context of the crisis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;6:11-22. (In Russ.).

Lazarev VV. On the integrative understanding of constitutionalism. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;5:39-54. (In Russ.).

Lukin YuF. The great redistribution of the Arctic. Arkhangelsk: NarFU Publ.; 2010. (In Russ.).

Lukin YuF. The multidimensionality of the Arctic space. Arkhangelsk: NarFU Publ.; 2017. (In Russ.).

Luzhina AN. Book review: Boklan DS. International environmental law and international economic relations. A monograph. Moscow: Magistr: Infra-M Publ.; 2020. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyy zhurnal*. 2021;3:150-156. (In Russ.).

Mordvinova TB, Skaridov AS. The UN Convention on the Law of the Sea — 28 years in ensuring safe maritime use. *Okeanskiy menedzhment*. 2022;3(17):2-6. (In Russ.).

Nosov SI. Subjective public rights and interest. *Yurist [Jurist]*. 2021;1:65-73. (In Russ.).

Tayupova KR. Russia's Economic Security in the context of globalization: Constitutional and legal aspe. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2019;6:34-39. (In Russ.).

Tsekomskiy NV. Investment attractiveness and investment climate. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii*. 2022;1(51):5-9. (In Russ.).

Vinogradov VA, Soldatova LV. On the importance of principles in environmental law and their application. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2021;5(14):99-121. (In Russ.).

Voronkov LS, Smirnova AA. The Arctic Council as a new type of international organization. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2017;3(21):7-16. (In Russ.).

Wehrmann D. Transnational cooperation in times of rapid global changes. The Arctic Council as a success case? Discussion Paper. German Development Institute. Bonn; 2020.

Zhilina IYu. International cooperation in the Arctic: History and modernity. *Sotsialnye novatsii i sotsialnye nauki*. 2023;3:53-77. (In Russ.).

Zhuravel VP. The Arctic as a constantly developing multidimensional space. *Arktika i Sever*. 2018;31:62-79. (In Russ.).

Zvekov VP. Obligations due to harm in conflict of laws. Moscow: Walters Kluwer; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скачков Никита Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
skanic@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita G. Skachkov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
skanic@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 22 декабря 2023 г.
Статья получена после рецензирования 24 декабря 2023 г.
Принята к печати 15 марта 2024 г.*

*Received 22.12.2023.
Revised 24.12.2023.
Accepted 15.03.2024.*